

В ПЕТЕРБУРГСКОЙ газете «Новое время» 4 апреля 1903 года промелькнула любопытная заметка о том, что находившегося в Крыму, в Гаспре, тяжело больного Л. Н. Толстого посетили американские туристы.

«Л. Н. был болен, — писала газета, — и не мог принять туристов. Но в конце концов его убедили, и он согласился. Американские джентльмены и леди обещали, что они только пройдут мимо веранды, на которой будет сидеть Толстой, и ограничатся только поклоном. В определенный час Л. Н. сидел на веранде, и американцы начали дефилировать мимо. Все шло прекрасно. Джентльмены и леди проходили мимо и раскланивались. Л. Н. отвечал поклоном. Только в конце шествия одна леди подошла к Л. Н. и начала причитывать: «Leon Tolstoi, Leon Tolstoi, я читала все ваши сочинения, они имели огромное влияние на мою жизнь, но особенно нравятся мне одно, одно, одно!» Она старалась припомнить название, но Л. Н. понял, что она вообще не читала его сочинений. Чтобы вывести ее из затруднения, он ей подсказал: «Детство и отрочество»... «Ах, да, Leon Tolstoi, ах, да, именно «Детство и отрочество». И леди прошла вслед за другими».

Конечно, не только этот почти анекдотичный случай связывает великого писателя с Америкой, хотя и он в какой-то мере характерен. Еще в 1886 году Л. Н. Толстого навесил известный американский публицист Джорж Кеннан, накануне возвратившийся из поездки в Сибирь и опубликовавший в английских журналах, которые читал Л. Н. Толстой, очерки о сибирской каторге и ссылке, вызвавшие повышенный интерес писателя. Позднее эти впечатления были использованы в заключительной части романа «Воскресение», где главный герой проповедует крестьянам идеи американского экономиста Генри Джорджа. Кстати, книга Д. Кеннана в свое время была высоко оценена Ф. Энгельсом, Г. В. Плехановым, М. И. Калинин в беседе с племянником публициста, тогдашним американским послом в СССР Д. Ф. Кеннаном, вспоминал, что «эта книга была настоящей библией для ранних революционеров».

Сообщая об этом, мы вовсе не хотим сказать, что Л. Н. Толстой был пропагандистом революционных идей. Поднявшись, по словам В. И. Ленина, «до такой художественной силы, что его произведения заняли одно из первых мест в ми-

ровой художественной литературе», он оказался «в полном противоречии с жизнью, работой и борьбой могильщика современного строя, пролетариата». Дело в другом: важно, что говорил писатель об Америке и какое влияние оказал он на духовную жизнь этой страны.

В последнюю четверть века своей жизни Л. Н. Толстой принял немало общественных деятелей, литераторов, журналистов из Соединенных Штатов Америки, Англии, Франции,

ка, несомненно, привлечет самое серьезное внимание всех мыслящих людей нашей страны» (Майльс Д'Ансон).

7 июля 1907 года газета «Нью-Йорк таймс» напечатала интервью американского дипломата Стивена Бонсла с Л. Н. Толстым.

— У вас, американцев, — говорил писатель Бонслу, — была молодая и прекрасная страна, которую ваши отцы хотели сделать земным раем, но чем все это кончилось? Нигде в мире нет такой ожесточенной сословной розни. Вы воспроизвели в самых крайних формах условия, существовавшие

— Падение Америки будет более скорым, чем падение Рима... Вы же украли Филиппины или, в лучшем случае, уплатили другому грабителю за то, что он отказался от своих притязаний, а ваш народ снова и снова санкционировал у избирательных урн эту кражу...

В наши дни творчество Л. Н. Толстого продолжает быть ареной острой идеологической борьбы. «Сначала мы видели в нем великого мятежника, протестующего против царской тираннии, — писал в «Литературной газете» 19 ноября 1960 года видный негритянский общественный деятель и писатель

мигрантов и других враждебных Советскому Союзу лиц. Другие издания испытывают трудности в истолковании его творчества. Вспомним слова У. Дюбуа: «И нашим мыслителям и писателям стало трудно поддерживать контакт с великим русским поборником мира». Но никто не вспоминает, какую резкую отповедь дал Л. Н. Толстой Америке.

Недавно толстовские места в Крыму посетил корреспондент журнала «Нэшнл джеографик» Сэм Абл, готовящий иллюстрации к статье о писателе. Беседа с ним, я убедился: он не имеет представления о том, что говорил Л. Н. Толстой о его стране. В Гаспре он снимал на пленку комнату, где жил писатель, толстовскую веранду, не зная о том, как 80 с лишним лет назад мимо больного писателя с почтительным видом проходили американские туристы. Но это полбеды. Хуже, что, взявшись за тему, он совершенно не знал ни Джеймса Крилмена, ни Стивена Бонсла, ни одного из тех американцев, которые встречались, переписывались или оставили нам интересные интервью с Л. Н. Толстым.

— Его интересует только то, что собой представляет писатель как личность, почему он велик, — ответила за него сопровождающая.

— Удалась ли поездка?

— Да, — ответил он. — Крым очень красив, особенно его парки, сады, архитектура старых зданий. Хочется пожелать, чтобы строительство новых зданий не нарушило пейзажа.

— И только? А в связи с Л. Н. Толстым?

— Я знаю, что он с большой неохотой ехал в Крым, но, увидев его, полюбил. Если бы Толстой сейчас жил, он был бы счастлив видеть детей, которые отдыхают в местах его пребывания. Больше сказать я ничего не могу.

Да только ли радовался бы? Нетрудно догадаться, как воспринял бы писатель претензии современных американских политиков, «уповающих на войско и сокровища в банковских сейфах», нести в мир мораль с позиции силы.

С. ШАНТЫРЬ,
г. Симферополь.

Л. Н. ТОЛСТОЙ ОБ АМЕРИКЕ

Германии, Австро-Венгрии, Италии, Японии, Индии, Испании, Швеции, Финляндии. Но большинство их впечатлений о встречах с писателем не переводилось на русский язык, затерялось и не попало в поле зрения исследователей. Вот почему американская тема, как и другие зарубежные, в толстовской биографии считается малозначительной. Между тем она представляет исключительный интерес.

— Америка утратила свою молодость, — говорил Л. Н. Толстой американскому писателю Джеймсу Крилмену, посетившему Россию в 1891 и 1903 годах. — Волтер сказал, что Франция загнила прежде, чем созрела, но что же тогда следует сказать о стране, чьи идеалы не пережила и одного поколения людей? Ваша страна плодит одних только толстосумов. В годы до и после гражданской войны духовная жизнь вашего народа расцветала и приносила плоды. Теперь же вы — жалкие материалисты...

Интервью Крилмена появилось в нью-йоркской газете «Уорлд» 9 августа 1903 года и имело большой успех, печатаясь под сенсационными заголовками: «Наша молодость прошла», «Наши идеалы пришли в упадок». Л. Н. Толстой получил несколько писем от американских читателей, в которых говорили: «Больше всего меня поразило ваше утверждение, что Соединенные Штаты отошли от своих идеалов. В значительной степени это — увя! — чистая правда» (В. Э. Барнс); «...Ваше порицание прусской нам алчности к деньгам и морального упад-

в Европе, и виной тому прежде всего то, что вы называете представительной системой правления, а также национальный эгоизм, который вы зовете патриотизмом».

Читая эти слова сейчас, обнаруживаешь, что они чрезвычайно актуальны и жизненны на фоне сегодняшних проблем Америки.

— Велики и сильны! Велики и сильны! — воспользовался Л. Н. Толстой оплошностью собеседника, едва только это избитое выражение слетело с его уст, — Кто это говорит, что вы велики и сильны? Только лишь ваши глупые и пустые политики! Я допускаю, что вы были велики и сильны в эпоху Эмерсона и Торо, но сегодня вы уповаете на войско и сокровища в ваших банковских сейфах. Велики и сильны! Как бы не так! Нация, как и отдельная человеческая личность, сильна лишь своей верой, а нынешняя Америка, боюсь, верит только во всемогущий доллар...

— Прощетание, прощетание! — продолжал он. — Вот с каким постыдным лозунгом обращаются ваши американские политики в своих предвыборных программах к избирателям. Они не говорят: «Благодаря нам у вас будет честное, справедливое правительство», нет, они говорят другое: «Благодаря нам все вы станете жирными и гладкими. Голосуйте за меня, и у вас будет двойной подбородок!»

Кабинет писателя украшали портреты американцев Эмерсона, Торо, Чаннинга, Брайана, Генри Джорджа, Эрнеста Говарда Кросби, чье мировоззрение было созвучно толстовскому. Глядя на них, он говорил:

— Я благодарен вашей стране за все, что она дала миру в лице этих людей. А вот за ваше будущее я боюсь. Никто, как я вижу, не следует их примеру.

И с гневом выражал протест против войн и колониальных захватов:

Уильям Дюбуа (США). — Потом Толстой стал для нас русским писателем, а все русское у нас связывают с социализмом и коммунизмом. Однако мы цеплялись за его «Войну и мир», так как считали себя миролюбивой страной. Но постепенно наша страна заняла место главного защитника войны и теперь тратит чудовищные суммы денег на войну. И нашим мыслителям и писателям стало трудно поддерживать контакт с великим русским поборником мира».

А Эптон Синклер в «Правде» за 21 ноября 1960 года писал о Л. Н. Толстом: «И сейчас он взывает ко всем людям в Советском Союзе и в моей стране, и во всех других странах избежать ужасной трагедии ядерной войны, которая низвергнет на нас проклятия всех жертв будущего».

По-разному удовлетворяется в США интерес к великому художнику слова. В одном случае, как это делают издательство «Трайангл публикейшнс», журналы «ТВ гайд», «Америка», издаются и перепечатываются тенденциозные воспоминания дочери писателя А. Л. Толстой, которая, оскорбив память отца, иммигрировала в Америку и до самой своей смерти в 70-х годах возглавляла благотворительный «толстовский фонд», используемый спецслужбами США для финансирования антисоветской деятельности им-